

ОБРАЗ РОССИИ И РУССКИХ В СОЗНАНИИ БОЛГАР В ПЕРИОД БАЛКАНСКИХ ВОЙН 1912–1913 гг.

Н. С. Гусев

Гусев, Н. Образът на Русия и руснаците в съзнанието на българите по времето на Балканските войни от 1912–1913 гг.

Българското общество възприема борбата си с Османската империя като продължение на руско-турските освободителни войни, а армията си като ученик и последовател на делото на Русия. Не можем да кажем, че няма помощ за това от „върха“, но самите българи са запознати с руската история и култура. Въпреки това, официалният Санкт Петербург не проявява благоволение към София и това е било известно на Балканите, затова в съзнанието на българското общество понятията „Русия“ и „руска дипломатия“ не се сливат.

Ключови думи: Русия, руснаците, България, Балканските войни, образ.

Гусев, Н. С. Образ России и русских в сознании болгар в период Балканских войн 1912–1913 гг.

Българское общество воспринимало свою борьбу с Османской империей в период Балканских войн как продолжение русско-турецких освободительных войн, свою армию – учеником и продолжателем дела России. Такого рода настроения подогревались „сверху“, но и сами болгары были знакомы с русскими историей и культурой. В то же время официальный Санкт-Петербург не благоволил Софии, что было известно на Балканах, поэтому в сознании болгарского общества слияния понятий „Россия“ и „русская дипломатия“ не происходило.

Ключевые слова: Россия, русские, Болгария, Балканские войны, образ.

Gusev, N. Image of Russia and the Russians in the mind of the Bulgarians during the Balkan wars 1912–1913

Bulgarian society perceived its struggle with the Ottoman Empire as a continuation of the Russian-Turkish wars of liberation, its army – as disciple and successor of Russia. We can't say that it wasn't backed up by the authorities, but the Bulgarians were closely acquainted with Russian history and culture. However, the official St. Petersburg was not favourably disposed towards Sophia, which was known in the Balkans, so that in the mind of Bulgarian society the concepts of “Russia” and “Russian diplomacy” didn't merge.

Keywords: Russia, Russians, Bulgaria, The Balkan wars, image.

*Велика Россия! Какое обаяние овладевает
миллионами болгар при произнесении этого священного имени.
Г. Пеев¹*

В результате долгих и кровопролитных войн России на Балканском полуострове в 1878 г. казалось, были освобождены все южные славяне, но решения Берлинского конгресса помешали этому и, сохранив часть земель в центре региона за Османской империей, жители Македонии и Старой Сербии вновь оказались под властью Порты. Поэтому в 1912 г. война, одной из заявленных целей которой было очищение Македонии от турок, воспринималась как продолжение действий России по освобождению южных славян, но уже своими силами.

Ети настроения существовали и среди болгар. Офицери 7-го Преславского полка писали в Россию в Славянское благотворително общество: „Исполняем священный долг, выполняя заветы наших освободителей“². Простые солдаты запаса при мобилизации рассуждали подобным образом: „Мы сейчас будем биться за свободу наших братьев так же, как русские бились за нашу свободу“³. Декларировалось это и на различных торжественных встречах и мероприятиях с участием представителей русского общества⁴. Атанас Стефов, командир 61-й роты 18-го пехотного Етырского полка, считал события 1912 г. непосредственным продолжением войны 1877–1878 г., сравнивая героев Шипки и Сливницы с болгарскими солдатами Балканской войны⁵. Исторические параллели

замечал и осаждавший Адрианополь Г. Стайнов, писавший близким: „Тут так, как сказал Верещагин: „На Шипке все спокойно“⁶. Снег, вьюги, замерзшие трупы, заваленные люди“⁶; христиане освобожденных городов снимали фески и рисовали кресты на домах, как и за 35 лет до этого⁷. Переброска болгарских войск после битвы у Лозенграда далее на восток живо напомнила С. Икономову движение частей генерала Гурко⁸. Порой болгары даже гордились, что превосходили русских в своих боевых подвигах. Так, П. Курдоманов указывал, что бои за с. Караагач в 1912 г. закончились быстрее, нежели в 1878 г.⁹ Бои проходили там, где за 35 лет до этого клали свои жизни на алтарь славянской свободы русские солдаты, о чем не могло не вспомнить нынешнее воинство¹⁰. А генерал-кавалерист А. Назлымов вспоминал присутствие и потери русской армии в 1829 г. в том же поселке, где теперь стояла его дивизия¹¹.

Немаловажным фактором в создании и существовании таких настроений стало то, что болгарская армия создавалась русскими военными специалистами, многие из офицеров учились в России, оба народа сражались бок о бок в 1877–1878 гг. В связи с этим бытовало отношение к русским как к учителям. Это отмечали русские корреспонденты, рассказывая, что колонна солдат кричала им: „Ура“ нашим учителям – русским“¹², „Ура“ родной русской армии“¹². Болгарская пресса этот факт не забывала подчеркнуть; газета „Вечерна поща“ обращалась к солдатам: „Болгарский воин, вспомни геройские дела своих отцов и дедов и доблесть своих учителей-русских“¹³. Генерал Р. Димитриев после взятия Лозенграда заявлял: „Пусть и наши учителя-русские гордятся успехами своего детища“¹⁴. Но помимо таких внешних проявлений, направленных вовне, существуют и другие свидетельства. Поручик Иван Досев, бывший чиновником на почте, покинувший семью и ставший добровольцем, на приказ командира не высовываться из окопа ответил: „Русские нас не учили лежать“¹⁵.

Были и негативные ассоциации, тоже впрочем не отрицающие факт влияния русских на болгарское военное искусство. Сержант Т. Стойчев считал, что порка солдат по голым филейным частям – „наследие русских еще с русско-турецкой войны“¹⁶. А столь часто применяемый болгарами удар в штыки Р. Милков (вполне обоснованно, на наш взгляд) считал устаревшим приемом, пришедшими из русской армии, „где консерватизм не давал проникнуть новым знаниям, связанным с растущим совершенством огнестрельного оружия“¹⁷. Как видим, русские действительно воспринимались учителями по отношению к армии, но не всегда в положительном ключе.

Вместе с тем следует отметить, что эти настроения не подогревались сверху. Уже в царском манифесте об объявлении войны, который был напечатан в каждой газете, развешивался по всей стране, зачитывался в церквях, есть следующие строки: „Болгарский народ помнит пророческие слова Царя-освободителя „Святое дело должно быть доведено до конца“¹⁸. Преимущество миссии Болгарии по отношению к России подчеркивалось в речах в Народном собрании представителем младо-либералов Д. Тончевым и Д. Страшимировым от имени БЗНС¹⁹.

Еще до объявления войны пресса обращалась к памяти о событиях 1877–1878 гг. В самом конце июля газета „Мир“ сообщает о визитах деятелей русской культуры в места боев за Плевну, приводя их записи в журнале посещений²⁰. Художник А. И. Вахрамеев, к примеру, написал: „Слава и тем борцам, что и сейчас ведут жестокую борьбу за объединение славянства“²¹ (так в тексте. – Г. Н.). Цель этих сообщений вполне очевидна. Заметим, что при этом даны даты посещений: 6, 9 и 13 июня, т.е. за полтора-два месяца до публикаций. Как нам кажется, объяснить эту задержку можно тем, что момент стал подходящим: не будем забывать, что „Мир“ – печатный орган правящей партии. Помимо этого сообщалось о выборе места строительства русской церкви на Шипкинском перевале²², а буквально за несколько дней до перехода болгарской армии через турецкую границу публикуются воспоминания о юбилейных торжествах в 1902 г., посвященных боям за Шипку и Шейново²³.

Вновь укажем, что выходят эти номера спустя 10 лет непосредственно после событий и тогда, когда вопрос о войне с Турцией был решен. За два дня до манифеста

царя Фердинанда „Мир“ печатает стихотворение И. Гроздева, написанное к параду 9 августа (опять-таки постфактум) о знаменитом Самарском знамени²⁴:

*„С тобою победила Русь святая,
Свободными ты делаешь детей рабов,
Когда над Пирином ты воссияешь?“²⁵*

Освобождение страны в исторической памяти болгарского народа было тесно связано с конкретным русским императором. Не единожды в различных уголках Болгарии, ее гражданами в России были отслужены молебны за упокой души Александра II²⁶. При этом отметим, что происходило это еще до начала боевых действий, даже до кровавых событий в Штипе и Кочани. То есть общество было заранее „подогрето“ воспоминаниями о событиях тридцатипятилетней давности.

Естественно, после 6 октября пресса продолжала напоминать о преемственности Балканской войны: „Как себя обессмертил русский солдат, так сейчас его ученики идут строить новые алтари свободы“²⁷. После победы при Люле-Бургасе газета „България“ писала: „Дело Царя-Освободителя, императора Александра II, начатое в добрый час, заканчивается – болгарские войска перед стенами Константинополя“²⁸. Несколько позже, когда достижения болгар в войне стали еще внушительнее, в „Мире“ были помещены слова пловдивского митрополита Максима, произнесенные им после панихиды и молебна об Александре II и Н. П. Игнатъеве, где он перифразировал московского святителя Платона над гробом Петра I: „Николай Павлович! Встань, посмотри на свое дело! Посмотри, как твои ученики, воодушевленные и ободренные твоим духом, летят от победы к победе к стенам Константинополя взять завещанное наследство“²⁹.

В прессе публиковали художественные произведения русских писателей, посвященные Русско-турецкой войне³⁰; сообщалось о торжествах в честь годовщины битвы при г. Елена³¹; печатались телеграммы со словами поддержки русских и ответы на них, в том числе и послания людей, связанных с освобождением Болгарии³². После возобновления боевых действий в 1913 г. количество обращений к памяти 1877–1878 гг. снижается, но в мае мы находим информацию о посещении мавзолея в Плевне членами полтавской губернской комиссии. Была отслужена панихида и подарены два металлических венка: один посвященный павшим в 1877–1878 гг., второй – в 1912–1913 гг.³³

Поддерживали эти настроения в армии и речами перед строем, как, к примеру, это сделал Георги Лозев, священник 45-го пехотного полка³⁴. А полковник К. Арабов, отправляя на границу свой полк, приказал прочитать молитву „Господи син, с нами буди“, после этого рассказав солдатам, что так же молилась 14-я русская дивизия перед переходом через Дунай в июне 1877 г. Это „подействовало крайне благотворно на нашего добродушного селянина“, – констатирует командир в своих воспоминаниях³⁵.

Имели место и кардинально иные точки зрения. „Под ширмой „освободительной“ миссии деспотическая Россия преследовала с неустанным упорством через безостановочную скрытую деятельность свои завоевательные цели“, – писал „Рабочнически вестник“ в апреле 1913 г.³⁶ Подобную точку зрения высказывал К. Станчев в своих воспоминаниях, опубликованных в газете „Камбана“ в 1927 г. Заметим, что они вышли в свет не в начале войны, а после нее или тогда, когда российская внешняя политика все больше и больше вызывала недовольство в болгарском обществе. Для обоих изданий характерны социалистическая направленность, при этом в дневнике известного болгарского социал-демократа Василя Коларова таких высказываний нет. В связи с этим с некоторой долей уверенности можно говорить, что тут сказывается левая, „антиимпериалистическая“ пропаганда, и эти политизированные свидетельства дают право усомниться в их объективности.

Как видим, в болгарском обществе существовало хорошее, теплое отношение к России, как к освободительнице, ее дело казалось незаконченным, а поэтому свои действия болгары видели продолжением действий русских, несмотря на тридцатипятилетний временной разрыв между ними. Настроения эти подогрелись „сверху“.

В то же время нельзя считать, что болгарский народ не обладает исторической памятью, или она столь коротка, что роль недавних освободителей была забыта. Подтверж-

дением тому служит и несколько иной пласт информации. Русская дипломатическая миссия в Константинополе помогала болгарам – жителям Турции получить поддельные паспорта и отправиться через Одессу на фронт добровольцами. Так стали солдатами болгарской армии жившие в Адрианополе Марин Стоянов и Панчо Кочарапов, воспринявшие это как продолжение помощи России в освобождении балканских славян³⁷. Николай Сурин, полковник русской армии, был отправлен на театр военных действий корреспондентом Петербургского телеграфного агентства. В с. Кукуш он разместился у местного жителя Г. Ярцева на ночлег. Известие, что Н. Сурин не только журналист, но и офицер, вызвало у хозяина радостное оживление. Селянин воспринял корреспондента как представителя передовых частей русской армии³⁸.

Таким образом, в сознании болгар существовало мнение, что положившая большое количество своих сынов ради возрождения Болгарии Россия не останется безучастной. Подтверждают этот тезис следующие факты. Болгарская пресса сообщала о мобилизации в России, сосредоточении ее войск на турецкой границе, уделяя этому не последнее место на своих страницах, а газета „Вечерная почта“ – выделяла подчеркнутым шрифтом³⁹. В солдатской среде в начале 1912 г. ходили слухи, что русский флот вошел в Босфор, а за проявление его действий принималась слышимая канонада турок⁴⁰. После остановки наступления на Чаталджинские высоты вновь заговорили о вмешательстве России в войну⁴¹. Очевидно, что в болгарском обществе существовала не только память о помощи, оказанной Россией в 1877–1878 гг., но и мнение о ее вероятном вмешательстве в балканскую войну.

Связь между 1877 и 1912 гг. видели и русские корреспонденты. На прощальном ужине в честь болгарских офицеров-учеников Николаевской академии генштаба их русский коллега прочел следующие стихи:

*„Туда, туда, где меж бойцами
Наш гений Белый генерал,
Сверкая грозными очами,
По полю ратному ристал,
Туда, где дух его витает
Над возрожденною землей
И где теперь благословляет
Он вас на новый, славный бой“⁴².*

Но ярче всего это проявлялось у Василия Ивановича Немировича-Данченко, которому спустя 35 лет вновь пришлось пройти по тем же местам, но уже с другой славянской армией. В своей книге он часто уходит в эти воспоминания, уделяя им целые главы, сравнивая местности в разное время, при этом отмечая разруху и запустение в 1912 г. по сравнению с 1878 г.

Как видно, болгары чувствовали тесную связь с Россией и ее армией, помнили о ее значении в своей истории, но знали свою освободительницу и в ином ракурсе. Ее культура и история не являлись для них terra incognita. П. Карчев рассказывает весьма интересную историю. Во время зимнего „сидения“ перед Чаталджинской линией в окопах он и его товарищи услышали, как турецкая музыкальная команда заиграла симфонию П. И. Чайковского „1812 год“. Отметим, что они сразу узнали эту мелодию, и не только русофил, но и стамболовист (а их традиционно считали русофобами) признали, что „какой болгарин может отрицать глубину русского искусства... Гордится им [Чайковским] все человечество“⁴³. Н. Додов в своем дневнике охарактеризовал „путешествия“ своего прошения по бюрократическим коридорам: „Очень похоже на русские порядки, как их описал Гоголь в „Шинели“⁴⁴. Писатель Й. Йовков, описывая поле после сражения, задавал себе вопрос: „Где я видел это? Может быть, на „Куликовском поле“ Репина, может быть, на „Войне“ Штука или на каком-то душераздирающем полотне Верещагина“⁴⁵. Получавшие образование в российских учебных заведениях, естественно, знакомились с прошлым и культурой России. Дети полковника Г. Тенева вспоминали, что он „вдохновенно цитировал стихи Пушкина, Лермонтова и др., а Суворов, Кутузов были для него кумирами“⁴⁶. Гений Суворова, переход через Альпы с восхищением вспоминал Д. Азма-

нов⁴⁷. Были и иные проявления знакомства с Россией. Морозы зимы 1912–1913 гг. очевидец-болгарин назвал „сибирским холодом“⁴⁸; офицеры на фронте в минуты бездействия играли в карточную игру „шестьдесят шесть“, которую называли „русское сантасе“⁴⁹. Так же солдаты пели русские песни, а однажды даже затянули начальные строки народолюбческого гимна: „Смелость друзья не теряйте,/ Бодрость в неравном бою,/ Родину-мать вы спасайте,/ Честь и свободу свою“⁵⁰.

В 1912 г. был юбилей Отечественной войны, что не прошло незамеченным в Болгарии. Газета „Мир“ поместила обширную статью „К столетию Отечественной войны в России“ и ряд очерков об истории войны и ее значении⁵¹. Отразилось это и в солдатской среде, где часто сравнивали бытовые условия зимой 1912 г. с состоянием Наполеоновской армии во время бегства из России⁵². Очевидно, что болгарское общество было знакомо с русской историей и культурой, и трудно не согласиться с мнением корреспондента Н. Гасфельда, побывавшего в Македонии в 1912 г.: в Болгарии „вы, в конце концов, найдете некоторый интерес к русской культуре и некоторое чувство благодарности русскому обществу“⁵³.

Приведенные выше факты подтверждают: болгарский народ не забыл своих освободителей; Балканскую войну он воспринял как продолжение русско-турецкой кампании 1877–1878 гг., а самих себя – как продолжателей дела русских. В этих чувствах ему помогала и государственная пропаганда, и восприятие „братушек“ как своих учителей в военном деле. При этом болгары считали, что единожды принявшая участие в их судьбе, Россия не оставит их на произвол судьбы и в дальнейшем, что подтверждают слухи о русских кораблях в Босфоре. Хорошо известны были в Болгарии русская культура и история, причем их влияние и знание о них не ограничивалось литературой и искусством.

Рассмотрим также вопрос об отношении болгар к России того времени – ее обществу и внешней политике. С XVIII века дипломатическое значение России на Балканах было традиционно высоко: во время Балканских войн же оно было усилено за счет прописанной в сербско-болгарском договоре 1912 г. роли арбитра в территориальных вопросах. Поэтому болгар не могли не интересоваться происходящими в России событиями. Болгарская пресса передавала мнение российских изданий: газеты „Новое время“, выступавшей за конец власти иноверцев-угнетателей, но против вмешательства крупнейшей славянской державы; газеты „Россия“, ратовавшей за сохранение status quo⁵⁴, и других изданий с завидной регулярностью⁵⁵.

Болгарское общество с большим интересом следило за новостями, свидетельствовавшими о проявлениях к нему симпатий общества русского. В подтверждение этого тезиса приведем строки из газеты „Мир“: „С особенными симпатиями к Болгарии относятся все русские газеты. Высоко ценя эти симпатии, мы смеем надеяться, что они смогут повлиять на русскую политику“⁵⁶. Об отправившихся на родину болгарско-учениках Николаевской академии Генерального штаба, о том, как их по дороге встречали, прощались, пели „Шуми, Марица“ жители Петербурга, Одессы⁵⁷, о манифестациях в поддержку славян⁵⁸ и конкретно Болгарии⁵⁹ регулярно сообщала пресса. Размещались на страницах периодики послания болгарам из различных славянских обществ России⁶⁰, Государственной Думы⁶¹, письма простых ее граждан и видных деятелей⁶². Как правило, это были слова, проникнутые осознанием серьезности момента, радости, связанной с победами славян.

Дочери царя Фердинанда разместили в русской прессе призыв собрать деньги для болгарских сирот. На это откликнулись не только взрослые, но и дети, чьи письма были напечатаны в газете „Мир“. Приведем некоторые выдержки из них. „От всего сердца желаю Вашему папе Царю поколотить отвратительных турок. Отправляю Вам 3 рубля. Я соберу еще денег для болгарских сирот. Светик Герих“; „Когда играю в солдатиков, всегда болгары побеждают... Юрик Герих“; „Мне 10 лет. Я сын профессора Чернова, который умер 4 месяца назад, и я знаю, как это быть сиротой. Мама мне подарила 50 рублей, и я Вам отправляю их для осиротевших детей... Алексей Чернов“; „Я – маленькая Анечка, пяти с половиной лет. Я изучила карту Балканского полуострова, знаю имена Балканских правителей, очень люблю их и могу узнать по портретам... Турок не люблю, они мучают славян... Аня Никитина“⁶³. Эти эмоционально сильные письма

лишь подчеркивают желание прессы показать благоприятственное отношение к Болгарии русского общества, которое способно повлиять на российскую дипломатию.

В связи с этим, естественно, не могла не развернуться информационная борьба за симпатии русских. С усилением территориальных споров союзников она приняла серьезные масштабы. По свидетельству Н. Милева, приезд весной 1913 г. Радко Димитриева, известного и популярного в России генерала, в Петербург „на отдых“ преследовал в том числе и пропагандистскую цель⁶⁴. В этой же делегации ехал и Стоян Данев, которому глава Генерального штаба И. Фичев предоставил данные о количестве мобилизованных и потерях. В своих воспоминаниях генерал признается: „Эти числа были преувеличены, чтобы достигнуть большего эффекта от усилий, совершенных Болгарией ради войны“⁶⁵. Таким образом, высокопоставленный военный шел на заведомый подлог ради укрепления дипломатических позиций своей страны, и, вероятно, делал он это не по собственной инициативе, скорее всего имея указания свыше.

Проболгарски настроенная Внутренняя Македонско-Одринская революционная организация так же осознавала необходимость влияния на настроения русского общества. Христо Матов, один из лидеров ВМОРО, направил инструкции делегатам в Англии, Франции и России, в которых приказывал распространять утверждение, что жители Македонии не останутся под властью греков и сербов, „которые плечом к плечу с турками сражались против болгарских революционеров“⁶⁶. Профессор Любомир Милетич, осознав неизбежность войны „и уверившись, что все в Петербурге настроены против нас“, отправился в российскую столицу с целью исправить это. „Но, к сожалению, было совсем поздно!.. Особенно меня задевало, когда я видел, что нас обвиняют в каких-то жестокостях, которые наши союзники, греки и сербы, совершили“⁶⁷. На Певческом мосту (т. е. в МИД России) уже расставили приоритеты, и Болгария в этой иерархии стояла ниже Сербии и Румынии. Информационная борьба не увенчалась успехом.

Помимо общественного мнения, на дипломатию мог влиять глава государства – император Николай II. Надежды на положительное решение арбитра и его давление на своих министров внушала телеграмма С. Данева, отправленная после встречи с ним: „Отзываются о Болгарии очень лестно, особенно престолонаследник. Готовы нас поддержать“, но при этом русский монарх заметил, что Румынии придется уступить территории, „потому что положение Кароля тяжелое“⁶⁸. Периодическая печать передавала слова Николая II, которые он якобы произнес на банкете в Царском селе, где сожалел, что не смог предотвратить войны, но „может быть, даже лучше, что сейчас разрешится Балканский вопрос, который уже достаточно тормозил европейский мир и постоянно угрожал войной“⁶⁹. Как видим, болгарскому народу пресса пыталась показать благожелательное отношение к нему русского императора.

Печать информировала читателей и о здоровье российского престолонаследника: о травме цесаревича Алексея, кровоизлиянии в поясную область, температуре и пульсе сообщала газета „Мир“⁷⁰. С объявлением войны в болгарской кафедральной церкви Св. Краль в присутствии председателя кабинета министров, царицы, дипломатических представителей был отслужен молебен софийским митрополитом за победы союзных войск, за здоровье правителей балканских православных государств и „Николая II, русского императора, покровителя православных народов“⁷¹.

Именины Николая II также стали поводом для проявления симпатий к нему со стороны Болгарии. В той же церкви митрополит Партений с участием всего персонала и певческого хора в присутствии ряда министров и других государственных деятелей, „множества офицеров и видных столичных граждан и гражданок“ отслужил молебен⁷². Царь Фердинанд с престолонаследником в это время находился в Салониках, откуда была направлена телеграмма от его имени и наследника трона Николаю II, где выражалось „особое счастье, что приносят поздравления и благопожелания из родного города славянских первоучителей“. Там же, 6 декабря, в болгарской церкви Кирилла и Мефодия состоялась торжественная литургия и молебен о долголетьи русского императора в присутствии царя Фердинанда, его сыновей и „множества видных солунчан“, затем они отправились на службу в русскую церковь⁷³. Понятно, что проявление этих симпатий было направлено вовне, имея целью показать свою преданность и искренние симпатии

к русскому императору, дабы попытаться повлиять на его решения в предстоящих территориальных конфликтах. Пресса старалась уверить своих читателей в положительном исходе предстоящих конфликтов с союзниками в связи с симпатиями русского общества и императора, при этом сами болгары старались эти самые симпатии не только не утратить, но и усилить.

Однако, как признала накануне Второй Балканской войны газета „Мир“, в России существует большая разница между общественным мнением и поведением ее официальных кругов⁷⁴, а, как заметила другая болгарская газета, „в политике нельзя руководствоваться чувствами“⁷⁵. Так же и нам следует четко осознавать, что отношение к русскому обществу и отношение к русской дипломатии имели существенные различия, если не были диаметрально противоположны. В преддверии войны Болгарское телеграфное агентство передавало выдержки из интервью главы российского МИДа С. Сазонова немецкой прессе, в котором тот уверял, что status quo на Балканах нерушим: ни союзники, ни Турция не могут рассчитывать на приращение территории⁷⁶. Российская дипломатия в начале боевых действий была категорически против взятия и приобретения Болгарией Адрианополя. Этот город считался важным оборонительным рубежом Константинополя, на который Петербург имел далеко идущие планы. Позже, после победы при Люле-Бургасе, Россия согласилась на передачу первой европейской столицы Османской империи под власть царя Фердинанда. Эти факты были известны болгарам, как дипломатам, так и рядовым гражданам⁷⁷. Отношение к официальной русской дипломатии было негативным.

Одним из важнейших для болгар вопросом был нейтралитет Румынии. Поведение России по отношению к этой стране расценивалось неоднозначно. Вручение фельдмаршальского жезла румынскому правителю Каролю в начале войны виделось как стремление к вовлечению Бухареста в орбиту русской политики, попытка оторвать ее от Тройственного союза, а ведь „русская дружба – это и болгарская дружба“⁷⁸, а значит и спокойствие на северных рубежах⁷⁹. Затем сложилось мнение, что на Певческом мосту считают Бухарест более приоритетным партнером, нежели Софию. „Это вызвало во всех большое негодование по отношению к России или, правильнее, против русской дипломатии, потому что русский народ обладает выраженными симпатиями к нам и черногорцам“, – записал Н. Додов в своем дневнике⁸⁰. Это различие в мнении правительства и общества по румынскому вопросу отмечала и газета „Народни права“⁸¹. П. Пешев считал милости, которыми осыпал Кароля Николай II, и то, что он стал шефом полка, вошедшего в 1913 г. в Болгарию, прямым оскорблением для своей страны⁸².

Не меньше интересовал болгар следующий вопрос: кто важнее для Петербурга – Белград или София? Последняя рассчитывала на соблюдение договора 1912 года с сербами. Согласно ему, „спорная“ территория оставалась на усмотрение арбитража русского императора. Однако сербские войска занимали и „бесспорные“ болгарские земли. София взывала к арбитражу, печать об этом напоминала⁸³, видимо, надеясь таким образом заявить о своей лояльности и вере в справедливость царя. Однако призывы С. Сазонова не смогли воздействовать на союзников, хотя можно предположить, что при достаточном нажиме Петербург бы смог усадить Балканы за стол переговоров. В рамках данной работы мы не ставили задачу анализа дипломатических усилий ни одного из государств, прямо или косвенно участвовавшего в конфликте. Однако факт остается фактом: в российском МИДе не настояли на неукоснительном соблюдении союзного договора, а посол в Белграде Н. Гартвиг советовал сербам и вовсе его аннулировать. О действиях дипломата знали в Болгарии, в связи с чем он лишился симпатий болгарского народа⁸⁴. Болгарское общество поняло, что в Петербурге приняли сторону Белграда. Это осознали политики, военные и просто обыватели⁸⁵. Газета „Народни права“ подытожила результаты действий России в спорной ситуации: „Поведение русского правительства в болгаро-сербском споре отняло у всего болгарского общества, в том числе у самых безоглядных русофилов, любую веру в справедливость с ее стороны по отношению к Болгарии“⁸⁶.

Русофильскому правительству пришлось в этой ситуации тяжело. Солдаты, проез-

жавшие Софийский вокзал, кричали: „Долой Гешова“⁸⁷. Накануне Второй Балканской войны правительство И. Гешова ушло в отставку. Современная болгарская исследовательница П. Кишкилова считает, что поведение русской дипломатии усложняло положение правящей партии, однако не это явилось решающим фактором в падении кабинета⁸⁸.

Ставший новым премьером С. Данев (которого, к слову, также считали русофилом), согласно свидетельству И. Фичева, верил, что Россия, заплатившая 200 тысячами жизней за освобождение Болгарии, не сможет оставить ее в критический момент. Позже он будет вопрошать посланника в Петербурге: „Неужели голос России столь слаб, что не слышен в Константинополе и Бухаресте? Или Россия нас оставила на произвол судьбы?“⁸⁹.

Как известно, Болгария, пойдя ва-банк, подверглась нападению всех своих соседей. О том, что отношение Петербурга стало восприниматься как враждебное Болгарии, свидетельствуют следующее. Автор, писавший под псевдонимом „Дублве“, утверждал, что продавались „карты войны, напечатанные в России, где сербские полки берут Чаталджу“, изображения взятия Лозенграда черногорцами; „мы видели русские картины, как Шукри-паша сдается сербской армии“⁹⁰. Г. Стайнов в своих письмах с фронта высказывает симптоматичную точку зрения: Межсоюзническая война будет остановлена русской интервенцией в Болгарию⁹¹. Другой автор отражает ходившие слухи, что „русские высадили десант в Варне и Бургасе и претендуют на часть Болгарии“⁹². Если в искренности последнего источника можно сомневаться (издан под псевдонимом сразу же после войны), то первому вполне можем доверять.

Отношения между странами были бесповоротно испорчены. А между народами? Журнал „Аз знам всичко“, болгарский аналог русской „Нивы“, уже по завершении боевых действий очень часто размещал материалы о России. Тут и распорядок дня императорской семьи, и „дело Бейлиса“, и гибель поселка рыбаков на о. Новая Земля, и многое другое⁹³. Однако о жителях Силистры говорится, что они „проявили чудеса храбрости, чтобы дать свободу порабощенному брату, а сами *Петербургом* (курсив наш – Г. Н.) были обречены на рабство“⁹⁴. Как видим, это весьма аполитичное издание винит в потере Добруджи русскую дипломатию. На наличие у журнала симпатии к освободительнице указывает первый его номер за 1914 г., в котором говорится с сожалением: „В России сегодня смотрят с неприязнью на Болгарию не только официальные круги, но и народные массы“, в подтверждение чему приводится почтовая открытка, где портрет царя Фердинанда, изображенный на марке, „русские чиновники замазали кровавыми чернилами“⁹⁵. О том, что несмотря ни на что, благодарность и теплота по отношению к России оставались, говорит и другое. Так, Крум Аврамов с грустью записал в своем дневнике в октябре 1915 г. об объявлении войны Сербии: „Поскольку Россия, наша освободительница, в союзе с Сербией, значит, что мы в войне и с ней... До чего мы дошли!“⁹⁶.

Подытоживая вышесказанное, заметим, что картина восприятия России и русского общества в Болгарии складывалась довольно интересная. В 1912 г. еще были свежи воспоминания 1877–1878 гг., и власти не преминули этим воспользоваться. Используя пропаганду, ложившуюся на крайне благодатную почву, в народных представлениях эта война казалась продолжением дела России на Балканах. Но болгары и сами, без всякой пропаганды, прекрасно помнили недавнюю историю, то, как учась в бою, били турок бок о бок с русскими. Это обстоятельство, как и то, что Петербург активно участвовал в создании армии Болгарии, лишь подчеркивало преемственность событий. Помимо прочего, влияние России было заметно и в культурной сфере через знакомство с русской культурой и ее историей. Но МИД Российской империи не столь благоволил Болгарии. Об этом прекрасно было известно самим болгарам, в связи с чем в их сознании не происходило слияния понятий „Россия“ и „русская дипломатия“. В Софии попытались влиять на внешнюю политику Петербурга при помощи общественного мнения, однако безуспешно. После краха Балканского союза, вступления в войну Румынии, отсутствия четкой позиции России, казалось, настал конец болгарскому русофильству.

- ¹ Мир, 1912, 19 декември.
- ² *Горанов, П. С.* Руските воени доставки за Българската войска през Балканската война. – В: Балканските войни 1912–1913 (сборник статии от научна конференция, проведена през октомври 1992 г.). В. Търново, 1995, с. 51.
- ³ *Додов, Н.* Дневник по Балканската война. София, 2006, с. 10.
- ⁴ Мир, 1912, 14 ноември, 23 август, 21 декември.
- ⁵ *Чолакова, М.* Балканската война през погледа на подпоручиците Атанас и Иван Стефови от Търново (Писма от фронта). – В: Балканските войни 1912–1913 (сборник статии от научна конференция, проведена през октомври 1992 г.). В. Търново, 1995, с. 131.
- ⁶ *Стайнов, Г.* Писма от Одрин. София, 1964, с. 73.
- ⁷ Там же, с. 116.
- ⁸ *Икономов, С.* Освободителната война на Балканите. История. – Впечатления. – Картини. София, 1912, с. 193.
- ⁹ *Георгиева, С.* Войнишки дневник на Петър Жечев Курдоманов за Балканската война. Силистра, 2001, с. 53.
- ¹⁰ *Икономов, С.* Цит. соч., с. 54; *Арабов, К.* Лични възпоменания от войната между България и Турция през 1912–1913 г. – Военноисторически сборник, 1931, № 2, с. 121.
- ¹¹ *Назълмов, А.* Материали за историята на войната 1912–1913 година. Действията на кавалерийската дивизия. Лични спомени. Ч. 1. София, 1913, с. 216.
- ¹² *Мамонтов, Н. П.* С българскими войсками от Балкан до Чатаалджи. М., 1913, с. 62.
- ¹³ Вечерна поща, 1912, 6 октомври.
- ¹⁴ *Димов, Д.* Поборници. София, 1989, с. 16.
- ¹⁵ *Радев, С.* От триумф към трагедия: Това, което видях от Балканската война и Конференция в Букурещ и Букурещкият мир от 1913 г. София, 2003, с. 39.
- ¹⁶ Балканската война в спомените на съвременници и участници. София, 1973, с. 232.
- ¹⁷ *Милков, Р.* Из страниците на Българската авиация. София, 2003, с. 37.
- ¹⁸ Балканските войни по страниците на Българския печат 1912–1913. Съст. П. Кишкилова. София, 1999, с. 40.
- ¹⁹ Мир, 1912, 21 август.
- ²⁰ Там же, 1912, 28 юли, 8 август.
- ²¹ Там же, 1912, 31 юли.
- ²² Там же, 1912, 18 август.
- ²³ Там же, 1912, 2 октомври.
- ²⁴ К слову, во время войны оно будет висеть в салоне царского поезда (см.: *Робер дьо Бурбулон.* Български дневници. София, 2007).
- ²⁵ Мир, 1912, 4 октомври.
- ²⁶ Там же, 1912, 1 юли, 9 август.
- ²⁷ Там же, 1912, 10 октомври.
- ²⁸ Балканските войни по страниците..., с. 48.
- ²⁹ Мир, 1912, 10 ноември.
- ³⁰ *Гаршин, В.* – Мир, 1913, 31 януари; *Верунин, И.* Пасха на поле боя. Светлый праздник на позиции. – Там же, 1912, 19 октомври.
- ³¹ Там же, 1912, 3 декември.
- ³² Телеграма генерал-лейтенанта П. Калитина, брата погившего при Старой Загоре командира 3-й дружины болгарского ополчения, и ответ царя Фердинанда. – Там же, 1913, 8 февруари.
- ³³ Там же, 1913, 21 май.
- ³⁴ *Елдьоров, С.* Православието на война. Българската православна църква и войните на България 1877–1945. София, 2005, с. 80–81.
- ³⁵ *Арабов, К.* Цит. соч., с. 110.
- ³⁶ Балканските войни по страниците..., с. 155.
- ³⁷ *Димов, Д.* Цит. соч., с. 60, 64.
- ³⁸ *Пеев, Георги Т.* – В: Македония 1912–1913. Дневници и спомени. София, 1995, с. 40; *он же.* До Солун и назад. – Мир, 1912, 19 декември.
- ³⁹ Дневник. – 1912. – 26 септември; Мир, 1912, 10 октомври; Вечерна поща, 1912, 23 и 25 септември; *Дървингов, П.* Балканската война както е била виждана, когато са се развивали самите събития. По осведомленията на Българската телеграфна агенция. София, 1941, с. 100.
- ⁴⁰ *Георгиева, С.* Цит. соч., с. 105, 110.
- ⁴¹ *Арабов, К.* Цит. соч., с. 102.
- ⁴² Мир, 1912, 3 октомври.
- ⁴³ *Карчев, П.* През прозорец на едно полустолетие (1900–1950). София, 2004, с. 313–314.
- ⁴⁴ *Додов, Н.* Цит. соч., с. 61.
- ⁴⁵ *Йовков, Й.* Нощите пред Одрин. – Народ и армия, 1914, № 8, 9 и 10, с. 373.

- ⁴⁶ Димов, Д. Цит. соч., с. 28.
- ⁴⁷ Азманов, Д. Моят епоха. 1878–1919. София, 1995, с. 115.
- ⁴⁸ Илиев, Н. Моите впечатления. – Народ и армия, 1914, № 15, 16, 17, 18, 19 и 20, с. 646.
- ⁴⁹ Станчев, К. 1912–1913 (из записките ми като македонско-одрински опълченец). – Камбана, 1927, 19 септември.
- ⁵⁰ Илиев Н. Цит. соч., с. 644.
- ⁵¹ Мир, 1912, 31 август, 7–19 октомври.
- ⁵² Стойчев, Т. Цит. соч., с. 237.
- ⁵³ Шевалье, Н. Правда о войне на Балканах. Спб., 1913, с. 96.
- ⁵⁴ Дървингов, П. Цит. соч., с. 204, 206.
- ⁵⁵ Мир, 1912, 28, 30, 31 август, 1 септември и т. д.
- ⁵⁶ Там же, 1912, 31 август.
- ⁵⁷ Дървингов, П. Цит. соч., с. 167, 177.
- ⁵⁸ Мир, 1912, 30 септември.
- ⁵⁹ Вечерна поща, 1912, 30 ноември; Додов, Н. Цит. соч., с. 29.
- ⁶⁰ Вечерна поща, 1912, 29 септември.
- ⁶¹ Мир, 1912, 3, 4, 6, 9 десември.
- ⁶² Там же, 1912, 1 октомври; 1913, 8 февруари; 1912, 11 ноември.
- ⁶³ Там же, 1913, 7 февруари.
- ⁶⁴ Милев, Н. Дневници, спомени, пътеписи, писма. София, 2008, с. 165.
- ⁶⁵ Фичев, И. Балканската война 1912–1913. Преживелици, бележки и документи. София, 1940, с. 348.
- ⁶⁶ Архив Христо Матов. София, 2004, с. 329.
- ⁶⁷ Любомир Милетич до Ватрослав Ягич. Писма 1896–1913. София, 1996, с. 364–365.
- ⁶⁸ Из тайния архив на българския цар Фердинанд I. Документи за военната и политическата история на България. София, 2001, с. 107.
- ⁶⁹ Вечерна поща, 1912, 11 октомври.
- ⁷⁰ Мир, 1912, 24 октомври.
- ⁷¹ Дървингов, П. Цит. соч., с. 215–216.
- ⁷² Мир, 1912, 7 декември.
- ⁷³ Хесанчиев, Х. Служба на България в чужбина. Военнодипломатически спомени (1899–1913 г.). София, 1993, с. 543–544.
- ⁷⁴ Мир, 1913, 31 май.
- ⁷⁵ Вечерна поща, 1912, 30 декември.
- ⁷⁶ Дървингов, П. Цит. соч., с. 186, 198.
- ⁷⁷ Фичев, И. Цит. соч., с. 86–87; Джемаль-паша. Записки Джемаль-паши 1912–1913 гт. Тифлис, 1923, с. 38; Назлъмов, А. Цит. соч., с. 40.
- ⁷⁸ Станчев, К. Цит. соч. – Камбана, 1927, 19 декември.
- ⁷⁹ Икономов, С. Цит. соч., с. 30; Мир, 1912, 21 септември.
- ⁸⁰ Додов, Н. Цит. соч., с. 65.
- ⁸¹ Балканските войни по страниците..., с. 120.
- ⁸² Пешев, П. Историческите събития и деятели от навечерието на освобождението ни до днес. София, 1993, с. 421.
- ⁸³ Мир, 1913, 3 юни; Балканските войни по страниците..., с. 181, 191, 225–227.
- ⁸⁴ Пешев, П. Цит. соч., с. 408.
- ⁸⁵ Василев, Г. Бележки на деня. Съст. Ц. Билярски. София, 1991, с. 110, 129; Фичев, И. Цит. соч., с. 44; Додов, Н. Цит. соч., с. 74.
- ⁸⁶ Балканските войни по страниците..., с. 184.
- ⁸⁷ Додов, Н. Цит. соч., с. 74.
- ⁸⁸ Кишкилова, П. България 1913. Кризата във властта. София, 1998, с. 135.
- ⁸⁹ Пешев, П. Цит. соч., с. 418–420.
- ⁹⁰ Дублве. Дайте ни истински картини от войната. – Народ и армия, 1914, № 15, 16, 17, 18, 19 и 20, с. 745
- ⁹¹ Стайнов, Г. Писма от Одрин. София, 1964, с. 131.
- ⁹² Войник. Военни писма. – Народ и армия, 1913, № 1, с. 45.
- ⁹³ Аз знам всичко, 1913, 3 и 17 ноември; 8, 15 и 29 декември.
- ⁹⁴ Там же, 1913, 15 декември.
- ⁹⁵ Там же, 1914, 5 януари.
- ⁹⁶ Аврамов, К. Цит. соч., с. 86.